

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЗАДЕРЖАНИЯ ЛИЦА, ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ON SOME ASPECTS OF THE DETENTION OF A PERSON SUSPECTED OF COMMITTING A CRIME

A. Khametova

Summary. Despite the fact that modern Russian criminal procedure legislation has more than twenty years of history, issues related to the detention of a person on suspicion of committing a crime are among the most controversial.

In the article, the author considers certain aspects related to the detention of a person suspected of committing a crime, related to the uncertainty of the category of «actual detention» of a person suspected of committing a crime, as well as problems related to the realization by a person suspected of committing a crime of his right to protection, and concludes that all of the above the problems are a consequence of the violation of the fundamental principle of Russian law — the principle of legal certainty, which assumes, among other things, clarity and transparency of legal norms, as well as the absence of contradictions between legislative norms.

So, on the one hand, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation guarantees a person suspected of committing a crime the right to defense with the involvement of a defender, indicating the obligation to draw up a protocol of detention of such a person, exclusively in the presence of a defender. On the other hand, the moment at which the bodies of inquiry, the inquirer or the investigator are obliged to notify about the possibility of exercising the right to protection is not legally defined. Similarly, the status of a person actually detained on suspicion of committing a crime by persons who are not related to the bodies of inquiry, the inquirer or the investigator, but who have legislative rights to carry out detention, is not defined. In these conditions, the question of the reality, non-exclusivity and practical feasibility of the constitutionally guaranteed rights is very debatable.

Keywords: suspect in the commission of a crime, actual detention, criminal process, defender, protocol of detention, right to defense.

Хаметова Альфия Рашидовна

*Кандидат экономических наук, доцент,
Оренбургский государственный университет
raschidova@rambler.ru*

Аннотация. Несмотря на то, что современное российское уголовно-процессуальное законодательство имеет более чем двадцатилетнюю историю, вопросы, связанные с задержанием лица по подозрению в совершении преступления, являются одними из самых дискуссионных.

В статье автором рассмотрены отдельные аспекты, связанные с задержанием лица, подозреваемого в совершении преступления, связанные с неопределенностью категории «фактического задержания» лица, подозреваемого в совершении преступления, а также проблемы, связанные с реализацией лицом, подозреваемым в совершении преступления, своего права на защиту. Автором был сделан вывод о том, что все вышеописанные проблемы являются следствием нарушения основополагающего принципа российского права — принципа правовой определенности, предполагающего, помимо прочего, ясность и прозрачность правовых норм, а также отсутствие противоречий между законодательными нормами.

Так, с одной стороны, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации гарантирует лицу, подозреваемому в совершении преступления, право на защиту с привлечением защитника, указывая на обязанность составления протокола задержания такого лица исключительно в присутствии защитника. С другой стороны, момент, в который органы дознания, дознаватель или следователь обязаны уведомить о возможности реализации права на защиту, законодательно не определен. Аналогичным образом не определен и статус лица, фактически задержанного по подозрению в совершении преступления лицами, не относящимися к органам дознания, дознавателю или следователю, но имеющими законодательное право на осуществление задержания. В указанных условиях вопрос о реальности, неиллюзорности и практической осуществимости конституционно гарантированных прав является весьма дискуссионным.

Ключевые слова: подозреваемый в совершении преступления, фактическое задержание, уголовный процесс, защитник, протокол задержания, право на защиту.

На современном этапе общественного развития задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, выступает эффективной мерой принуждения в уголовно-процессуальной деятельности. Однако проблемы теоретического и практического характера, связанные с задержанием лица

по подозрению в совершении преступления, в специализированной литературе являются одними из самых дискуссионных. Обусловлено это как неопределенностью самих категорий «подозреваемый в совершении преступления» и «задержание», так и неопределенностью правовой регламентации соотношения таких

категорий [4, 5, 8, 9]. Кроме того, задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, связано с решением вопроса о процессуальном статусе такого лица в случае, если подозрения в совершении преступления не нашли своего подтверждения. Неопределенности практического и теоретического характера достаточно часто приводят к нарушению права личности, гарантированного основным законом государства — Конституцией Российской Федерации, на практике.

Легальное определение категории «задержание подозреваемого» закреплено в п. 11 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) и представляет собой меру процессуального принуждения, применяемую органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. И если относительно внесудебного характера «задержания подозреваемого» в специализированной литературе наблюдается единство подходов, то относительно вопроса, какой именно момент считать «моментом фактического задержания», единой позиции нет. Вместе с тем, отсутствие ясности в вопросе о том, какой именно момент считать моментом фактического задержания, часто приводит к нарушению права личности, а также права на своевременную защиту.

В многочисленных источниках отмечается, что законодательная неопределенность момента «фактического задержания» на практике часто приводит к тому, что лицо не может воспользоваться правом на привлечение защитника (адвоката), так как с одной стороны уже находится под стражей [7, 9], а с другой стороны его фактическое состояние может не соответствовать его процессуальному статусу [5, 6] даже при условии того, что законодательно в п. 15 ст. 5 УПК РФ определено понятие «момента фактического задержания» как момента фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

Действительно, из буквального толкования совокупности нормативных предписаний п. 11 и п. 15 ст. 5 УПК РФ можно сделать вывод о том, что «фактическое задержание» — это некая начальная точка, от которой начинается исчисление 48-и часового срока на ограничение свободы подозреваемого. Если «фактическое задержание» подозреваемого — это начальная точка, то возникает еще один объективный вопрос, который можно сформулировать следующим образом — а что будет являться конечной точкой процесса «задержания подозреваемого» — составление протокола задержания или освобождение из-под стражи? Исходя из такой неопределенности, в специализированной литературе появился подход, согласно которому катего-

рию «фактическое задержание» рассматривают в двух аспектах — процессуальном и фактическом. С позиции процессуального аспекта фактическое задержание начинается с момента составления протокола задержания, то есть в тот момент, когда действия лиц по задержанию подозреваемого фиксируются в определенной форме — протоколе задержания. С позиции фактического аспекта имеет значение непосредственное задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, даже без наличия фиксации в определенной законодателем форме.

Вместе с тем, еще в 2016 году профессор Л.В. Головкич отмечал, что все споры относительно разницы между фактическим и процессуальным задержанием лишены всякого смысла по причине того, что законодатель, вводя в правовые нормы категорию «фактическое задержание», лишь определяет начальную точку, с которой начинается ограничение свободы лица, подозреваемого в совершении преступления, и даже до момента оформления протокола фактически лицо будет считаться задержанным [9]. С указанной позицией трудно не согласиться в целом, поскольку из буквального толкования п. 1 ст. 92 УПК РФ следует, что после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания, в котором делается отметка о том, что подозреваемому разъяснены права, предусмотренные ст. 46 УПК РФ.

Однако вопрос о том, с какого момента подозреваемый может реализовать свое право на защитника, гарантированное уголовно-процессуальными нормами, является весьма спорным — с момента того, как у лица исчезла возможность свободно передвигаться, или же с момента доставления лица, подозреваемого в совершении преступления. С одной стороны, из совокупности нормативных предписаний ст. 46, 47, 49, 91 и 92 УПК РФ в совокупности с другими статьями УПК РФ следует, что защитник может привлекаться в момент фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, то есть в момент фактического лишения свободы. С другой стороны, уголовно-процессуальный закон прямо не указывает на обязанность разъяснения основных прав лицу, подозреваемому в совершении преступления, непосредственно именно в момент фактического задержания. Отсюда лицо, подозреваемое в совершении преступления, и фактически задержанное, но не доставленное в правоохранительные органы, может не знать о возможности использования помощи защитника.

Далее акцентируем внимание на документальном оформлении задержания лица, подозреваемого в совершении преступления. Так, если проанализировать

п. 1.1. ст. 92 УПК РФ, то следует однозначный вывод о том, что защитник участвует в производстве по уголовному делу с момента фактического задержания подозреваемого, при этом его участие в составлении протокола задержания обязательно. Вышеприведенные нормативные предписания УПК РФ еще больше вводят в заблуждение относительно порядка участия защитника при задержании лица, подозреваемого в совершении преступления, указывая на обязательность присутствия защитника в момент составления протокола задержания. Таким образом, органы дознания, дознаватель или следователь обязаны обеспечить явку защитника до момента составления протокола, при этом лицу, подозреваемому в совершении преступления, необходимо разъяснить его право на защитника. Однако, на практике отсутствие в УПК РФ прямого указания на момент разъяснения лицу, подозреваемому в совершении преступления, его права на осуществление защиты с помощью защитника, приводит к тому, что составление протокола задержания осуществляется без привлечения защитника. Соответственно, в данном случае вопрос о соблюдении правильности составления протокола задержания и осуществления иных действий органами дознания, дознавателем или следователем, остается открытым [3, 10].

Отсюда целесообразным видится необходимость законодательного закрепления обязанности органа дознания, дознавателя или следователя, на разъяснение лицу, подозреваемому в совершении преступления, в момент его фактического задержания, определенный УПК РФ, его права на защиту с привлечением (назначением) защитника. С одной стороны, законодательное закрепление обязанности по разъяснению права на защиту за органом дознания, дознавателем или следователем в момент фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, позволит устранить ряд существующих практических проблем, связанных с нарушением конституционно гарантируемых прав на защиту. С другой стороны, закрепление вышеуказанной обязанности может привести к еще большим проблемам правоприменения, поскольку неясным останется ответ на вопрос о том, в какой момент будет разъясняться право на защиту лицам, подозреваемым в совершении преступления, фактическое задержание которых осуществляется не сотрудниками органа дознания, дознавателем или следователем, а сотрудниками войск национальной гвардии Российской Федерации (далее — Росгвардия), которые могут участвовать в обеспечении общественного порядка, и также, как и сотрудники полиции, фактически задерживать лицо, подозреваемое в совершении преступления. Данный вывод следует из буквального толкования ч. 1. Ст. 10 Федерального закона от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федера-

ции» (далее — Закон о Росгвардии). При этом Росгвардия в ст. 40 УПК РФ как орган дознания не указана.

Обращает на себя внимание и тот факт, что согласно ч. 2. ст. 10 Закона о Росгвардии время на доставку в органы внутренних дел фактически задержанного лица, подозреваемого в совершении преступления, у сотрудников Росгвардии установлено как не позднее 3 часов с момента задержания. Отсюда получается, что минимум 3 часа, а максимум 6 часов (с учетом времени на составление протокола у органа дознания, установленного в УПК РФ) лицо, подозреваемое в совершении преступления, может фактически находиться в неопределенном статусе. При этом такое лицо может и не знать весь объем прав, предоставленный ему законодательно [6].

Подводя итог, необходимо отметить, что все вышеописанные проблемы, по мнению автора настоящей статьи, являются следствием нарушения основополагающего принципа российского права — принципа правовой определенности, предполагающего, помимо прочего, ясность и прозрачность правовых норм, а также отсутствия противоречий между законодательными нормами. Так, с одной стороны, УПК РФ в п.11 дает легальное определение категории «задержание подозреваемого», четко очерчивая круг тех субъектов, которые могут применять данную меру процессуального принуждения (органы дознания, дознаватель, следователь), срок на который может быть осуществлено задержание (не более 48 часов), а также момент, с которого отсчитывается такой срок (с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления). С другой стороны, вопросов относительно того, какой момент считать моментом «фактического задержания», достаточно много, даже при наличии законодательного указания на тот факт, что момент фактического задержания предполагает фактическое лишение свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления. Возникают вопросы, касаемые, например, задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, сотрудниками Росгвардии, которые согласно Закону о Росгвардии уполномочены на фактическое задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, однако к органам дознания, согласно нормам УПК РФ, не относятся. Отсюда получается, что при фактическом задержании лица, подозреваемого в совершении преступления, сотрудниками Росгвардии, указанный в УПК РФ момент «фактического задержания» будет исчисляться только с момента доставления соответствующего лица в орган дознания, к дознавателю или следователю. Пока же лицо в орган дознания, к дознавателю или следователю не доставлено, его задержание, согласно УПК РФ, не произошло.

Аналогичные проблемы несогласованности норм, правильнее даже говорить законодательные пробелы, наблюдаются и в части реализации лицом, подозреваемым в совершении преступления, своего права на защиту. Так, с одной стороны, УПК РФ гарантирует лицу, подозреваемому в совершении преступления, право на защиту с привлечением защитника, указывая на обязанность составления протокола задержания такого лица исключительно в присутствии защитника. С другой стороны, момент, в который органы дознания, дознава-

тель или следователь обязаны уведомить о возможности реализации права на защиту, в УПК РФ не определен, что на практике приводит к нарушению конституционно гарантированного права на защиту со стороны органов дознания, дознавателя или следователя, при фактическом незнании лицом, подозреваемым в совершении преступления, о возможности реализации соответствующего права. В указанных условиях вопрос о реальности, неиллюзорности и практической осуществимости права на защиту является весьма дискуссионным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Российская газета. — № 146. — 2016. — 6 июля.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // Парламентская газета. — № 241–242. — 2001. — 22 дек.
3. Архипов А.С., Золочевская Л.С. Проблемы правового регулирования и практики участия защитника в деле с момента задержания лица по подозрению в совершении преступления // Российский следователь. — 2019. — № 1. — С. 14–17.
4. Дудоров Т.Д. Правовой статус подозреваемого в контексте доктринального и легального толкования положений ст. 46 УПК РФ // WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS: Сборник статей XIV Международной научно-практической конференции: В 2 частях. 2017.
5. Казиминова Е.Д. Процессуальный статус подозреваемого // Законность. — 2022. — № 10. — С. 52–56.
6. Марин В.А. Место и роль Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации в системе государственных органов, решающих задачи правоохранительной деятельности // Социально-политические науки. — 2017. — № 6. — С. 96.
7. Россинский С.Б. Фактическое задержание подозреваемого как объект конституционного и межотраслевого правового регулирования // Российская юстиция. — 2018. — № 4. — С. 31–34.
8. Фадеев И.А. Несовершенство понятийного аппарата статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса России в части, касающейся органов дознания // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2021. — № 8. — С. 88–93.
9. Химичева О.В., Шаров Д.В. Некоторые аспекты обеспечения прав лица при задержании по подозрению в совершении преступления // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2018. — № 5. — С. 59.
10. Чеботарева И.Н. Право на защиту лица, задержанного по подозрению в совершении преступления // Уголовное судопроизводство. — 2011. — № 1. — С. 9–13.

© Хаметова Альфия Рашидовна (raschidova@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»